

Открытым текстом: «Война кончилась!»

Сообщение о Победе радистка из Ставрополя-на-Волге Валентина Горюшкина приняла без шифра

Их остались единицы — тех, кто видел своими глазами самую страшную войну XX века, тех, кто ощутил на себе пот, кровь и боль, тех, кто выжил в ней. Что мы чувствуем, когда беседуем с участниками той, настоящей, великой войны? Прежде всего удивляешься, что воспоминания о войне за долгие годы не стерлись из их памяти, остались необычайно яркими, как все подлинное и настоящее...

В канун 9 Мая корреспонденту «ПС» удалось встретиться с Валентиной Ивановной Горюшкиной — коренной ставропольчанкой, ветераном ВОВ, всю войну прослужившей радистом на фронте. Валентина Ивановна и поныне проживает в старинном доме, который достался ей от мамы. Этот бревенчатый сруб в 1954 году после постройки ГЭС был перевезен в Центральный район на ул. Ушакова. Валентина Ивановна по-военному собранный человек, к нашей беседе она подготовилась ответственно. Она с 2004 года потеряла зрение, и потому фотографии фронтовых лет показывала и комментировала ее внучка, студентка Марина. Дочь Наталья сняла с плечиков тяжелый от множества медалей и орденов китель Валентины Ивановны, в котором мы сфотографировали нашу героиню. Перебирать в памяти лица подруг, всего пережитого и выстраданного — это огромный душевный труд. Чувствовалось, что Валентина Ивановна волновалась.

— Валентина Ивановна, расскажите про свою семью, детство.

— Моя мама, простая деревенская женщина, растила нас, троих дочек, одна. Папа умер, когда мне исполнился только годик. Мама мыла пол, стирала в доме у купца Каткова. Детство было трудное. Появились Торгины (советские организации,

занимавшиеся обслуживанием граждан, имеющих «валютные ценности» — золото, серебро, драгоценные камни, предметы старины, наличную валюту, которые они могли обменять на продукты питания. — Прим. ред.). В тяжкие голодные времена мама обменяла свой нательный крестик с цепочкой на муку для нас. Мама всегда нам, своим дочкам, говорила: «Учитесь, старайтесь, чтобы не так, как я, всю жизнь с тряпкой». Бог способностями меня не обидел, школу я с хорошими отметками окончила в 1939 году.

— Кем мечтала стать комсомолка Валентина Горюшкина?

— Мы все тогда были романтиками. Я поступила в Казанский университет на геологический факультет. Успела окончить всего два курса — и началась война.

По радио выступил Молотов. Нам сказали освободить общежитие в течение 24 часов.

Его планировали использовать под госпиталь.

— Получается, война застала вас прямо во время летней сессии?

— Именно. Когда вернулась в свой родной Ставрополь-на-Волге, то вместе со школьными подругами стала обивать пороги военкомата, проситься на фронт. Патриотизм тогда был на высоком уровне. Правда, в 41-м девушек еще не брали.

Зиму я преподавала немецкий язык в школе. А летом вместе со школьной подругой Тамарой Воробьевой после долгих уговоров нас направили в Москву в Высшую школу радистов. Когда добрались до столицы, то получили отказ, так как курс был уже укомплектован. Нам предложили пойти в подрывники, но мы отказались и вернулись обратно домой.

— Дорога была с приключениями?

— Можно и так сказать. Мы ехали в вагоне-теплушке. И вот на одной станции нас почему-то не выпустили кипяточку набрать. Оказалось, к нашему составу прицепили два вагона с пленными немцами. Позже, когда разрешили выходить, мы все побежали на захватчиков смотреть. Тогда мы впервые увидели настоящих живых немцев. В теплушках ехали наши солдаты в старых шинельках, на ногах — обмотки. А немцы — те были подготовленные к войне. Отбирали их даже как будто по росту: все высокие, белокурые, голубоглазые. Шинельки у них с иголочки. Как в сказках говорится: волос к волосу, голос к голосу. Смотрят на нас, а мы на них. Я к чему это говорю? Вот они такие обученные, подготовленные, а попали в плен. А наши солдатки не обмундированы были толком, а вот победили их!

— Так как же вам, Валентина Ивановна, удалось в радисты попасть?

— Только в 1942 году нас, ставропольских девчат, призвали. Отправили в Куйбышев. Стали проходить военное дело. В первую очередь нас остригли. У одной девочки были такие чудные волосы, что у парикмахера рука не поднималась отрезать косы. Вызвали даже командира за советом. Он поглядел, и ему тоже стало жалко ее волос. Ей одной оставили красоту. Меня вместе с другими подстригли «под мальчишку». Первое, что на нас надели, это шинели до пят широкие, ботинки с обмотками и буденновки на голову. Вот такие пугала мы были! А не во что одеть нас было! Потом уже нам разрешили в своем ходить. Мы всю зиму обучались: противогаз, строевой шаг, винтовку учились разбирать, смазывать, собирать, стрелять, ползать попластунски. Приняли военную присягу. И только весной командир попросил меня как

старшую по возрасту набрать группу радистов. Собралось пять ставропольских девчат: это Мила Лебедева, Вера Дулова, Тося Селиверстова, Тося Буянова и я. Поехали в город Пугачев Саратовской области на большую радиостанцию. Работал там радистом хороший специалист. Он и стал нас обучать радиоделу: материальная часть радиостанции, питание, настройка, работа на ключе, азбука Морзе.

— А на фронт когда попали?

— В 43-м году. Мы получили приказ ехать на фронт, и нас вместе с радиостанцией погрузили в эшелон. Под городом Бердичевым на Украине вдруг объявили: «Воздух! Рассредоточиться на местности!» А как? Спрятаться некуда, кругом голая степь. Перед нами такой же эшелон подорвали немецкие бомбардировщики, а нам повезло: оказалось, мимо пролетали наши родные самолеты.

— Страшно же, наверное, было? Вам 23 года, а тут такое!

— Да нет, страха не помню, просто щекой к земле прижалась, смотрю кругом: такая тишина, нет никакого признака войны. Весна, звезды близко, светят ярко-ярко, такая красота вокруг — вот это мне запом-

нилось... Привезли нас ночью в Винницу, в разбитом сарае спали прямо на земле. Утром выпал неожиданно снег. Узнали, что нас направляют в город Жмеринку. Потопали пешком.

— Это же 45 километров вы прошагали! Плюс винтовка, противогаз, шинель, вещмешок!

— А как иначе?! Вышли рано утром и только поздно ночью прибыли. После войны уже на поезде приезжали с друзьями-фронтовиками в эти места.

— А местных жителей встретили?

— Нет, никого. Видно, ушли в леса. Видели только воронки, искореженную технику, пушки. И думали: вернемся ли живыми обратно?

— Где разместили девушек-радистов?

— Жили мы в двухэтажной казарме, спали на двухъярусных кроватях. Я спала наверху, а Мила Лебедева внизу.

— А где пролегла линия фронта?

— Непосредственные бои шли в 7 километрах от нас. Украинские дома все стояли открытые — заходи, бери что хочешь. Через неделю-две фронт стал отодвигаться на запад, тогда стали появляться местные жители. Но мы с ними не общались. Нас никуда не отпускали наши командиры. Даже в баню мы ходили строем. Жмеринка была под немцами. Потом ее отбили. Внутри города вырыли траншею для наших убитых пленных, наскоро забросали землей. Уже тепло, пошел запах. Вот тогда их стали перезахоранивать в конце города в братской могиле.

— Когда бомбили, куда вы прятались, под кровати зализали?

— Ну, скажете тоже! Нас по команде выводили в траншею, которую вырыли во дворе казармы. А однажды мы с Милой так устали после своей смены, что, когда раздалась команда покинуть здание, мы накрылись с головой одеялами и подумали: будь что будет, а мы — спать. Когда все вернулись после бомбежки, командир и не заметил, что мы оставались в своих койках. Часто бомбили товарную железнодорожную станцию, потому как там была военная техника, живая сила, а до нас доходили только взрывные волны. А вскоре нас, радистов, перевели работать за город за 2 километра. В большом графском саду вырыли котлован, разместили радиостанцию, построили для нас финский домик. Мы по-прежнему жили в казарме, а в графский сад ходили на дежурство. Радиостанция была под грушевыми деревьями: до сих пор помню, какие сладкие были груши, а ведь никто их не собирал — война... Ниже по гряде располагались зенитчики и наблюдательные посты.

► стр. 5

Открытым текстом: «Война кончилась!»

► стр. 4 — Наблюдательные посты — это вышки?

— Нет. Наоборот. Рыли яму в земле для подслушивания. Вы же сказки знаете. Как герой прислонял ухо к земле и слышал на много верст, откуда идет враг, как быстро, какое число ратников... Так вот, в яме находился наблюдатель-дежурный. Он должен был на слух определить, откуда летят вражеские самолеты, какие — мессеры, фокервулфы, юнкерсы. По гулу определить марку, число боевой техники, направление движения. А потом всю информацию передать по телефону нашим телефонистам, а от них уже нам, радистам.

Расскажу про одно жаркое свое дежурство. За него медалью «За боевые заслуги» наградили начальника радиостанции Алексея и меня. За то, что всю ночь держали связь. В тот раз на товарной станции скопилось много нашей боевой техники. Что-то задержались с ее отправкой. И, понятное дело, противник стал совершать массированные атаки с воздуха, чтобы уничтожить наши машины. Начальник радиостанции Алексей сразу оценил ситуацию, связался с зенитчиками. А я пыталась связаться с командным пунктом. Мои товарищи Мила Лебедева и Вера Дулова были на наблюдательных постах с переносными радиостанциями. Я хочу связаться с девчатами — ничего не получается. То ли их разбомбили, то ли еще что, связи с ними никакой. Всю ночь на нервах. Под утро дали команду «отбой». Вражеские самолеты улетели. Вышли с начальником радиостанции на воздух. На станции полыхает пламя и солнце встает. На наблюдательном пункте близ станции Рахны тоже никто не отвечал на мои позывные. Начальник отправил меня туда с переносной радиостанцией. Надела на плечи, как сейчас рюкзаки носят, и пошла.

— Тяжелая ноша за спиной у молодой девчонки?

— Нет. Переносная радиостанция около 5-7 килограмм весила. Пока шла до то-

варной станции, видела убитых: зенитчики понесли потери.

— Война. Смерть. Испытания. Боль. Но вам же, молоденьким девчонкам, было по двадцать лет, влюблялись?

— Знаете, командир роты, капитан Варламов, у нас был очень строгий, никуда по одной не выпускал. Везде строем ходили. Но все же моя подруга Мила Лебедева нравилась нашему начальнику радиостанции Алексею. Они после войны поженились. Мила мне в минуты затишья по телефону звонила: «Валька, весна! Соловьи поют!» Я в душе радовалась за подругу...

— Где застала вас весть о победе?

— Мы уже работали в дивизии в Днепрпетровске. В мое ночное дежурство вдруг слышу свои позывные — и прямо открытым текстом без шифра идет сообщение: «Война кончилась! Поздравляю с Победой!» Я прямо со стула вскочила, побежала с этой вестью к дневальному. Вскоре все узнали, выбежали на улицу, многие стали палить в воздух из автоматов, кричать, плакать от радости, обниматься, целоваться! Всю ночь напролет люди ликовали! А утром приехали из дивизии командиры и сказали, что этот день мы можем гулять, отдыхать. Так мы встретили День Победы в 45-м году.

— Как складывалась ваша жизнь после Победы?

— Нас не сразу демобилизовали. Пытались уговорить меня с подружкой еще послужить радистами: опытных специалистов не хватало, с японцами продолжали воевать. Даже обещали помочь с учебой в горном институте. Но мы с подружкой решили возвращаться в свои неоконченные вузы. Ехали в теплушках, с пересадками. В один запертый вагон нас прямо в окошко втащили солдатики. Там ехал молодой лейтенант-узбек, увидел меня, такую светловолосую, и давай замуж уговаривать. Предлагал свои трофеи: платье крепдешиновое, часы, но я только отшучивалась.

— У вас, видимо, был любимый человек?

— Да. Мы с Сергеем еще в старших классах дружили вместе с его сестренкой. Сергей служил на западе артиллеристом. Поженились мы после войны, когда оба окончили вузы.

Я доучилась на геолога в Казани, а Сергей, как и его отец, стал зубным техником.

Но после диплома я получила распределение на Сахалин. Год работала в геологическом полевом отряде.

— Чем запомнился вам суровый край?

— Это вы верно подметили: климат еще тот! На Сахалине мы жили в неотапливаемых фанзах (домах) со стенами из рисовой бумаги, стоящих на сваях. Когда наши японцев оттуда подвинули, то в оставшиеся домики стали заселять молодых специалистов. Влажность, сырость и мороз. Я там постоянно болела. В этих домиках японцы грелись с помощью чугунных круглых печек, которые надо было топить всю ночь углем. Нужен был дежуривший у печки. Но всем утром на работу, потому и в истопники никто не шел.

На Сахалине я видела сорняки выше человеческого роста, нерест горбуши, видела, как местные стоят вдоль берега с баграми, накалывают рыбу, икру вынимают, а тушками своих свиней кормят...

Когда дали отпуск на материк, я съездила в столицу получить перевод на работу в родных краях. В Ставрополе-на-Волге началось строительство плотины, нужны были грамотные специалисты. Меня приняли в геологоразведывательную экспедицию от «Гидропроекта». За свою жизнь пришлось потрудиться и геологом, и химиком, и заведующей лабораторией.

— Собираетесь вместе с друзьями фронтовиками?

— Мои подруги-радистки мечтали: если останутся в живых, то обязательно получат дипломы о высшем образовании. Так оно и вышло. Все стали хорошими специалистами. Кто стал врачом, кто экономис-

Фото из личного архива

том, кто инженером. Ставропольчанки внесли немалый вклад в победу. В советские времена у нас проходили встречи ставропольчан-фронтовиков. Дружили по-семейному не только мы, ветераны, но и наши дети между собой. Посещали боевые места, собирались на праздники у кого-нибудь дома, за столом пели свои фронтовые песни, вспоминали товарищей... Я знаю только радисток, а ведь были и в авиации наши девочки из Ставрополя-на-Волге. Всем им светлая память. Я одна осталась из наших девчат. Мне сейчас 93 года. Каждый новый день для меня большой подарок.

— Говорят, для женщины главное семья, дети...

— Бог меня не обидел и женским счастьем. У меня две дочери — Наталья и Надежда. Целых пять внучат — Алексей, Сергей, Виталий, Михаил и Марина. И правнук Илюшенька четырех лет. Я такая довольная, что у меня такие хорошие дети, внуки, правнук. Может, потому я долго и живу.

— Низкий вам поклон и большое спасибо, Валентина Ивановна! С Днем Победы!

Беседовала Людмила Яхтина